

«Людей ведь раздражают не геи, а пропаганда»

Елена Мизулина рассказала, почему «антигейский закон», который Дума рассмотрит во втором чтении во вторник, не направлен против ЛГБТ-сообщества

Во вторник Госдума рассмотрит во втором чтении закон, ограничивающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений на территории России. Председатель думского комитета по делам семьи, женщин и детей Елена Мизулина рассказала «Газете.Ru» о том, что гей-парады и книги Оскара Уайльда под запрет не попадут, а также о своем видении прав ЛГБТ-сообщества в России и о медиаскандале вокруг ее сына.

— Елена Борисовна, мой первый вопрос носит философский характер. Скажите, вы давно решили работать над законами, которые бы защищали традиционные семейные ценности, — разработкой новой [государственной концепции в сфере семейной политики](#), нынешним законом [о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений](#)? Зачем вам эта борьба?

— Попытки разобраться, что из себя представляет российская традиционная семейная культура, я начала предпринимать, когда стала председателем комитета (в 2007 году. — «Газета.Ru»). Раньше я не задумывалась об этом, просто выстраивала отношения в своей семье вместе с супругом и детьми так, как меня учили. Но, когда я возглавила комитет, я начала внимательно изучать предыдущие концепции, собирать социологическую, психологическую, иную информацию о взаимоотношениях внутри семьи, которая является характерной для России. Выяснилось, что какие-то моменты уже ушли в прошлое — например, признание только венчанного брака, вряд ли это восстановимо. Но

в последнее время стало больше венчаний без официальной регистрации, и это ставит вопрос о признании таких браков официальными наряду с заключенными юридически.

Нашу [новую концепцию семейной политики](#) надо рассматривать через призму демографического вызова, учитывая, что Россия отличается от других стран своей территорией, но при этом имеет многовековой опыт жизни в условиях мультикультурности, многоконфессиональности вокруг русской славянской культуры. Европа только начинает жить в таких условиях, а мы живем веками. И наша идея состоит в том, чтобы эти семейные ценности сохранить, пропагандировать их и сделать благополучными семьи самых разных типов, в том числе разведенные.

— Возвращаясь к нынешнему закону о запрете пропаганды нетрадиционных отношений. Скажите, у вас есть знакомые геи?

— У меня давно есть такие знакомые в самых разных кругах: от парикмахерских до Госдумы — да, у нас были коллеги, которые не скрывали своей нетрадиционной ориентации. Мне приходилось работать с зарубежными экспертами, и, например, когда я работала председателем комитета ОБСЕ, мой заместитель — канадский парламентарий тоже был геем, он меня даже познакомил со своим партнером. Помню, я повернулась и немного удивилась: непривычно тогда это было, я думала, что он меня представит «подруге», а оказалось, это «друг». Я придерживаюсь традиционных ценностей и взглядов, но я знаю, что

всегда 5–6% рождающихся людей придерживается нетрадиционной ориентации, и уничтожать их, бороться с ними — это глупость. Нельзя же бороться с инвалидами, тем более это не болезнь, а просто специфика, то, что отличает их от других людей.

И естественно, что толерантность, семейные ценности предполагают любовь к ближнему, это одна из святых заповедей, и выступать против нее даже без всяких Конвенций о правах человека ни один традиционалист не будет. Более того, в современной России нет статьи в Уголовном кодексе о мужеложстве, есть клубы, где такие люди могут собираться по интересам, есть медиаресурсы. Такие люди работают в самых разных профессиональных сферах, и до ситуации с этим законопроектом я была убеждена, что это очень интеллигентная культурная среда. Кстати, к женщинам геи относятся очень

внимательно и дружелюбно. Но та травля, которая развернулась против меня и моей семьи вокруг этого законопроекта поменяла мое отношение к этому сообществу.

— Потому что закон направлен против этого сообщества...

— Это не так. Наш законопроект направлен не на запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, а на ограничение такой пропаганды в случаях, когда она направлена на детей и имеет целью сформировать у них те или иные сексуальные предпочтения. Более того,

мы даже ушли от термина «гомосексуализм», заменив его формулировкой «нетрадиционных сексуальных отношений». Ко второму чтению текст закона радикально изменился. Теперь он напрямую связан с законом 436 «О защите детей от вредной информации».

Дело в том, что, когда мы принимали этот закон, мы предусмотрели ограничения на распространение среди несовершеннолетних информации о половых отношениях между мужчиной и женщиной. После этого мы стали получать обращения, что при этом пропаганда среди детей нетрадиционных сексуальных отношений оказалась не запрещена, такой пробел получился. Например, в дневной передаче «Модный приговор» была фактически пропаганда лесбийской семьи, или на MTV во второй половине дня шло шоу про гей-пару в гостинице с обсуждением всего... Если такие передачи идут по телевидению после 9 или 11 вечера — пожалуйста! Но в дневное время это только дети и смотрят. Мы считаем справедливым, что, если мы убрали из дневного эфира информацию о сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной и отнесли эту информацию к ограниченной для детей, справедливо, что такие же правила будут применены и к нетрадиционным сексуальным отношениям. Мы исправили этот правовой пробел, только и всего.

Кстати, при доработке закона мы четко выбрали такие формулировки, что, например, если показан быт человека нетрадиционной ориентации, то это не есть пропаганда, она не направлена на формирование у детей каких-то установок, это просто информация. Новостные сюжеты — тоже просто информация, а не пропаганда. Если двое людей одного пола идут за руки — это тоже не пропаганда. И если ребенок ищет какую-то информацию сам, если ему это нужно, это тоже никакая не пропаганда, потому что нет целенаправленного формирования установок у детей.

— То есть речь не идет о продукции с маркировкой 18+ и о СМИ категории 18+? Приведу пример: положительная рецензия в СМИ на фильм «Горбатая гора», спектакль по произведению «Портрет Дориана Грея» и так далее под действие закона не подпадут?

— Произведения, имеющие культурную или художественную ценность, под действие закона «О защите детей от вредной информации» вообще не подпадают. Порядок определения таких произведений разработан Минкультом, поэтому если фильм, например, получил награду, его показ этим законом вообще не ограничивается, какие бы там ни были сцены, кроме детской порнографии и нецензурной брани. Если говорить о других произведениях, не относящихся к понятию художественной или культурной ценности, то, к примеру,

фильмы или мультфильмы, содержащие такую информацию, можно будет показывать после 23 часов, если на них есть маркировка 18+, или после 9 часов, если есть маркировка 16+. То же самое с изданиями, книгами, театральными постановками.

Мы не можем не считаться с решениями Европейского суда, с международными конвенциями, в которых отмечается, что дети не всякую информацию могут воспринять адекватно. То же самое с мультфильмами на телеканале 2x2: если они содержат информацию, которая подпадает под перечень 18+ закона «О защите детей» — пусть их показывают после 23 часов. Произведения, в которых содержится пропаганда нетрадиционных отношений, мы не относим к запрещенным, но к ограниченным к распространению.

Или вот спрашивают про гей-парады. Этот закон не регулирует гей-парады, они должны проводиться по закону «О митингах». Единственное — применительно к гей-параду в месте проведения должна быть обеспечена безопасность участников, а также в них не должны участвовать дети. Или они не должны проводиться в тех местах, где дети играют сразу за ограждением.

— Скажите, вы знаете о проекте «Дети 404»?

— Нет, не знаю.

— Это сайт, куда дети нетрадиционной ориентации присылают свои истории, рассказывают, как им живется. Я вас очень прошу, посмотрите этот сайт до принятия закона во втором чтении.

— Такой проект не относится к пропаганде нетрадиционных отношений.

— А как этим детям быть, когда они обнаруживают, что они не такие, как все? Откуда им взять информацию, что это не болезнь, что это нормально?

— Информация, разъясняющая, описывающая, не призывающая к чему-то, не провокационная, не изображающая нетрадиционные половые отношения, не является пропагандой, она может быть по закону в доступе для подростков.

— А как объяснить их сверстникам, что эти дети нормальные?

— Нельзя одним законом решить все проблемы. Наш закон преследует четкую цель — оградить детей от противоправной информации. Вы ставите вопрос более широко — как обеспечить толерантность к этим детям, к их родителям, для которых они прежде всего любимые дети. Это масштабная задача, которую надо решать, но в рамках другого закона.

Может быть, стоит доработать ту часть законодательства, которая предусматривает ответственность за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, добавив еще и признак (сексуальной. — «Газета.Ру») ориентации к перечню. Людей ведь раздражают не геи, а навязывание, демонстративность, пропаганда.

Например, вот есть реклама вирусная в интернете, такие неприличные баннеры, которые при поиске выскакивают. Каждый раз, как у меня такие картинки выскакивают, я пугаюсь, как будто меня кипятком обжигает. Я не люблю этого, но это какое-то навязывание происходит. Да, есть глубокий вопрос о толерантности общества, но любые законы должны учитывать традиции, культуру, терпимость. Российское общество пока не очень толерантно, а ЛГБТ пытаются сразу пройти очень большой путь, сразу принудить всех хорошо к себе относиться.

ЛГБТ надо работать корректно, постепенно приучать общество к толерантности, не провоцировать, не быть агрессивными. Иначе они лишь восстановят общество против себя.

— Мне говорили, что ЛГБТ-сообщество высылало свои варианты поправок в нынешний закон.

— Мы рассматривали все предложения и с их предложениями согласились, привязав закон к закону «О защите детей от вредной информации», убрав слово «гомосексуализм», четко все расписав и сузив сферу его применения. Но произошло недопонимание. Если по отношению к ним есть насилие, надо разбираться, но ЛГБТ надо учитывать, что семейная культура меняется очень медленно. Надо идти по пути диалога, а не конфронтации. Запретили гей-парад — идите в суд, договаривайтесь, учите общество толерантности постепенно, налаживайте диалог. Но если против геев есть насилие, с этим надо серьезно разбираться.

— Ситуация вокруг этого закона вообще сложилась двоякая. С одной стороны, ЛГБТ-сообщество, протестуя против принятия этого закона, впервые, наверное, получило возможность так громко заявить о своих правах. С другой стороны, поднялась волна насилия по отношению к ЛГБТ — например, геев, пикетировавших

Госдуме во время принятия закона в первом чтении, избили некие «православные активисты».

— Давайте скажем честно: и до этого, куда бы они ни приходили, пытаюсь публично заявить о себе, их били.

У меня была информация, что они вообще к Госдуме с лезвиями пришли. Но если к ним такое отношение, значит, надо избрать другие способы отстаивания своих интересов. Русский народ не кровожадный, надо просто искать адекватные формы. Но факты насилия это не оправдывает. Пожалуйста, назовите факты, по каждому будем разбираться. Сегодня, например, я узнала о факте насилия в отношении одного моего знакомого нетрадиционной ориентации, я буду писать запрос по этому делу, контролировать его ход.

— Какие еще отношения кроме гомосексуальных имеются в виду под «нетрадиционными» в этом законе?

— Есть судебная практика, которая признает, что такими являются ЛГБТ-отношения, то есть не отношения мужчины и женщины.

— Как вы считаете, в России соблюдаются права геев? Например, есть проблемы с наследованием имущества партнера, с доступом в больницу к любимому человеку, с усыновлением?

— Вопрос имущественных прав в России решить можно, но, пока идет такое противостояние между ЛГБТ и традиционалистами, это нереально. Надо садиться за стол переговоров, искать варианты. Например, есть страны, где не легализованы гей-браки, но признаются однополые союзы, так что имущественные вопросы можно обсуждать.

— А по усыновлению?

— [Это маловероятно](#), поскольку психологи фиксируют, что дети часто копируют модель поведения взрослых и,

разрешая однополое усыновление, мы заранее ограничиваем право ребенка на возможность, когда он станет взрослым, выбрать свои сексуальные предпочтения. Но тут есть проблема: исследования, к которым апеллируют геи, не воспринимают традиционалисты, и наоборот.

Пока по этому вопросу договориться не удастся, но по каким-то вопросам это возможно. Например, по проблеме насилия, дискриминации ЛГБТ на работе. Кстати, работа над этим законом выявила и проблему незащищенности парламентариев от дискредитации, от вмешательства в личную жизнь — нет закона, который бы нас защищал. Хочу добавить только, что любые переговоры предполагают компромисс:

в итоге не будет ни так, как хочет ЛГБТ-сообщество, ни как хотят радикальные консерваторы.

— Вы заговорили о нападках на вашу личную жизнь и семью, поэтому не могу не спросить об этом. На прошлой неделе появилась информация, что ваш сын живет в Бельгии и работает в организации, которая [финансирует правозащитные ЛГБТ-проекты](#) и охотно берет геев на работу. Правда ли это и играет ли это обстоятельство какую-то роль в том, что вы делаете?

— Никакой роли не играет, [у моего сына своя профессиональная сфера деятельности](#), я занимаюсь своей. Я не знаю, кого его работодатель спонсирует, а кого не спонсирует, — не я же его устраивала на работу. То, что мой сын выдержал конкуренцию и стал одним из 100 лучших в мире юристов в сфере международного права, ВТО — этого он добился сам, и он сам получил приглашение работать в Бельгии. Я еще замечу, что

Бельгия, европейские страны — это толерантное общество, и, если мой сын приходит туда, он должен подчиниться этим правилам и быть толерантным.

Да, сейчас на него идут [нападки](#), но мы его воспитали сильным, культурным человеком, и, думаю, он сохранит толерантность.

— Последний вопрос. Елена Борисовна, вы заслуженный депутат, много лет в парламенте. Вы по-человечески не жалеете, что ввязались в историю с этим законом?

— По-человечески мне сейчас очень трудно. Я такого давления не испытывала ни когда выступала против войны в Чечне, ни по импичменту президенту Борису Ельцину, ни по закону о Конституционном суде.

Я всегда исходила из своих убеждений и была убеждена, что правовой пробел в законе «О защите детей» надо устранить. Может быть, если бы наша работа над этим законом была освещена более корректно, то люди бы так не отреагировали. Ведь не в первый раз я фактически переписываю заново закон ко второму чтению, но люди его даже не читают. Когда начались нападки на мою семью, скажу честно, у меня появились сомнения, но отступить я не могу. Я убеждена, что детей от вредной информации, не соответствующей их возрасту и восприятию, надо защищать. Кроме того, уже понятно, что также нужны меры по защите депутатов Госдумы от дискредитации, а геев — от насилия.

Беседовала Екатерина Винокурова

10.06.2013

Источник: http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/10_a_5375845.shtml